ПОДХОДЫ США К БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНУ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ВАШИНГТОНА В ОТНОШЕНИИ ЕАЭС[1]

Е.В. Мацулевич, А.П. Косов (Витебск)

1 января 2020 г. Беларусь приняла председательство в органах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На фоне стремления республики активизировать интеграционные процессы на постсоветском пространстве интерес Вашингтона к ней, и региону в целом, усилился, что выразилось в визитах госсекретаря США М. Помпео с 29 января по 4 февраля 2020 г. в такие страны-участницы ЕАЭС, как Беларусь и Казахстан, которые рассматриваются в качестве ключевых стран постсоветской интеграции в рамках российских инициатив. Среди целей визита в каждое из указанных государств было заявлено стремление поддержать их суверенитет и независимость. В то же время американский подход к европейской Беларуси и центральноазиатскому Казахстану отличается, что наиболее ярко нашло отражение в Страновых Стратегиях США от 2018 г. (Integrated Country Strategy) и в Стратегии по Центральной Азии (Strategy for Central Asia). Выражая общемировые интересы и цели Вашингтона (либерализация и демократизация стран, обеспечение международной безопасности) приоритетность тех или иных задач варьируется в зависимости от региональной обстановки.

Альтернатива участию Беларуси в региональных интеграционных процессах в виде сотрудничества с США сводится к принятию республикой американских условий по созданию в ближайшей перспективе демократического и свободного рыночного общества [1, p. 6]. Такой вектор предполагает проведение политики «открытых дверей» для американских интересов [1, p. 6]. Менее явно это же положение выражено в Стратегии по Казахстану, согласно которой он должен «функционировать без иностранной помощи» [2, с. 11]. Формулировка является спорной в контексте всего документа, который американскую «помощь» в виде прямых инвестиций и прибыли по сделкам от продажи казахстанских энергоресурсов не отрицает.

Таким образом, принятие белорусско-американского и казахстано-американского сценария активизации сотрудничества исключает интеграцию в рамках ЕАЭС. Для Российской Федерации как лидера Союза это несет перспективу потери региональных покупателей своих энергоресурсов и угрозу возможного продвижения НАТО на белорусском направлении. Возможность военного присутствия американского контингента войск у границ

[1]Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А.А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В.В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов).

Репозиторий ВГУ

на казахстанском направлении просматривается в сотрудничестве США и центральноазиатских республик в рамках платформы «С5+1» [3, p. 3].

Формат «С5+1» несет в себе угрозу не только для России, но и для Беларуси, т. к. он постепенно принимает вид регионального союза ЦА как альтернативы ЕАЭС. Утвержденный в год создания Союза с участием Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и США, он был изначально продиктован стремлением к обеспечению региональной безопасности и афганской угрозой. Однако в дальнейшем вопрос безопасности стал рассматриваться лишь как базис для развития сотрудничества по различным вопросам, «независимо от уровня активности США в Афганистане» [2, p. 3]. С 2016 г. наблюдается тенденция по разработке совместных экономических проектов [5]. За годы действия «С5+1» американские инвестиции в торгово-экономическую сферу заняли третье место по объему финансирования, составив сумму больше направляемой на стимулирование демократии в странах, что всегда официально являлось для США первостепенным вопросом [3, p. 4]. Таким образом, «С5+1» принимает форму экономически близкую платформе ЕАЭС.

Отвечая не только идеологическим, но и экономическим интересам Вашингтона, для него в большей степени привлекательно развитие сотрудничества в рамках «С5+1», нежели двустороннее сотрудничество с Беларусью. Для республики это несет угрозу разрыва налаженных в рамках ЕАЭС экономических связей с ЦА, и в первую очередь с Казахстаном, который в 2019 г. занял 3 место по стоимости белорусского экспорта и импорта в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) [6; 4].

Рассматриваемая платформа активизируется на фоне внутренних барьеров ЕАЭС, что вызывает особую обеспокоенность Москвы и Минска. Переманивание центральноазиатских участников ЕАЭС на американскую сторону грозит развалом союза. Привлекательным выглядит то, что в отношении Беларуси и Казахстана общим стало обещание Вашингтона обеспечить им статус гаранта региональной безопасности [1, p. 6; 2, p. 3]. В то же время это отражает двойственность взгляда США на участников ЕАЭС. Относя Беларусь к геополитическому Западу и постсоветскому миру в культурно-идеологическом плане, Казахстан воспринимается американцами больше как часть Центральной Азии, что и обусловило его включение в региональный проект, альтернативный ЕАЭС наряду с соседними странами. В связи с таким американским подходом платформы, которую Вашингтон мог бы предложить Минску как альтернативу, подобную «С5+1», в настоящий момент нет. В свою очередь сценарий поворота Беларуси от ЕАЭС в сторону двустороннего сотрудничества с США представляется маловероятным, т. к. он несет угрозу притеснения суверенитета и независимости Беларуси, что ставит под сомнение актуальность данного вектора. Для Республики Беларусь регион ЦА является по-прежнему приоритетным направлением внешней торговли и политики.

Репозиторий ВГУ

Источники и литература:

1. Integrated Country Strategy. Belarus [Electronic resource] // U. S. Department of State. – 2018. – Mode of access: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/01/ICS-Belarus_UNCLASS-508.pdf. – Date of access: 04.04.2020.
2. Integrated Country Strategy. Kazakhstan [Electronic resource] // U. S. Department of State. – 2018. – Mode of access: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/01/ICS-Kazakhstan_UNCLASS_508.pdf. – Date of access: 20.04.2020.
3. United States Strategy for Central Asia 2019–2025 [Electronic resource] / Bureau of South and Central Asian Affairs // U. S. Department of State. – 2020. – 5 February. – Mode of access: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf. – Date of access: 20.04.2020.
4. Импорт товаров в Республику Беларусь по странам СНГ [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-excel/Oficial_statistika/Godovwe/Import_po_SNG19.xlsx. – Дата доступа: 20.04.2020.
5. Совместные проекты США и Центральной АЗИИ (С5+1) [Электронный ресурс] // Посольство США в Узбекистане. – 2016. – 4 августа. – Режим доступа: https://uz.usembassy.gov/ru/joint-statement-c51-ministerial-august-3-2016-ru/. – Дата доступа: 23.04.2020.
6. Экспорт товаров из Республики Беларусь по странам СНГ [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-excel/Oficial_statistika/Godovwe/Export_po_SNG19.xlsx. – Дата доступа: 20.04.2020.

CONTEMPORARY TRENDS IN THE CIS STATES' MILITARY COOPERATION

N. Shalenna, O. Hohosha (Lviv)

Delineation of the post-Soviet states' military policy happened in conditions of the rapid Union's centralized political system collapse and simultaneous new power centres emergence. The state elites focused on the need for military-political self-determination of their republics, though they vaguely realized the sequence of necessary actions and their possible results. Meanwhile, the Russian Federation had been reassuming its leadership position – as a result the Commonwealth of Independent States was established.

Over the last two decades, Russia has intensified its aggressive military policy and became a truly belligerent party. After 2008 deployment of its military forces in Georgia, Russia occupied a part of Ukraine's territory – Crimea in 2014, having launched direct aggression against its neighbour and strategic partner. In 2015, the list of Russian hostilities was supplemented by its direct military engagement in Syria. Hence, a research of the CIS states' military cooperation with the Russia's particular role in it is of a special scientific interest, concerning contemporary Russian-Ukrainian confrontation and the developments worldwide.

Репозиторий ВГУ